

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 82:81'38+82:81'255.4
ББК 83.011.7+83.07+81.055.52
Н 59

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-155-162

Стилистический и переводческий анализ языка романа Э.М. Ремарка «*Liebe Deinen Nächsten*» (Рецензирована)

Юрий Петрович Нечай¹, Татьяна Георгиевна Зубова²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
¹nechay_ur@mail.ru, ²sutage59@gmail.com

Аннотация:

Проводится стилистический анализ языка романа Э. М. Ремарка «*Liebe Deinen Nächsten*» и его реализация в русских переводах. Отмечается, что перевод Е. Никаева отличается тенденцией к дроблению сложных предложений, что позволяет быстро переосмыслить и упростить представления многих событий и явлений. Установлено, что во многих случаях переводчик прибегает к приемам опущения, целостного переосмысления, членения или объединения предложений, а также лексического добавления. Все представленные приемы многократно используются и способствуют наиболее полному отображению стилистики оригинального текста. Авторы делают вывод о том, что не все представленные варианты можно считать удачными, так как в некоторых из них отмечается снижение или значительная потеря выразительности и экспрессивности, имеющие место в тексте оригинала.

Ключевые слова: переводческий и стилистический анализ, диагностика «скрытых» лакун, трудности перевода, членение и объединение предложения, межкультурный диалог, переводческие трансформации, грамматическая конструкция

Для цитирования: Нечай Ю.П., Зубова Т. Г. Стилистический и переводческий анализ языка романа Э.М. Ремарка «*Liebe Deinen Nächsten*» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.155-162. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-155-162

Original Research Paper

Stylistic and translation analysis of the language of E.M. Remarque's novel „*Liebe Deinen Nächsten*“

Yuri P. Nechay¹, Tatiana G. Zubova²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia,
¹nechay_ur@mail.ru, ²sutage59@gmail.com

Abstract:

The article provides a stylistic analysis of the language of the novel by E.M. Remarque "Liebe Deinen Nächsten" and its implementation in Russian translations of E. Nikaev and I. Schreiber. Thus, the translation of E. Nikaev is characterized by a tendency to split complex sentences, which allows you to quickly rethink and simplify the presentation of many events and phenomena. In many cases the translator resorts to techniques of omission, holistic reinterpretation, splitting or combining sentences, as well as lexical addition. All the presented techniques are repeatedly used and contribute to the most complete display of the stylistics of the original text. The authors conclude that not all the presented variants can be considered successful, since in some of them there is a decrease or a significant loss of expression and expressiveness that take place in the original text.

Keywords: translation and stylistic analysis, diagnostics of "hidden" lacunae, translation difficulties, sentence division and unification, intercultural dialogue, translation transformations, grammatical construction

For citation: Nechay Yu. P., Zubova T.G. Stylistic and translation analysis of the language of E.M. Remarque's novel «Liebe Deinen Nächsten» // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.155-162. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-155-162

Введение.

Одна из важнейших целей художественного произведения – вызвать у читателя эмоциональный отклик, заставить его сочувствовать и сопереживать персонажам, проникаясь перипетиями их судьбы [1]. Своеобразие языка художественной прозы немецкого писателя XX века Эриха Марии Ремарка характеризуется наличием необычного материала, взятого из обыденной реальной жизни. Его произведения продолжают вызывать особый интерес как у читателей, так и у переводчиков во всем мире. Русскими переводами его прозы и драматургии занимались свыше сорока переводчиков. В огромном количестве представлены и научные исследования его творчества отечественными и зарубежными авторами. Тем не менее, с большой уверенностью можно отметить, что вплоть до настоящего времени охвачены еще далеко не все стороны его наследия.

Цель работы состоит в исследовании способов передачи оригинального авторского стиля Э.М. Ремарка в двух русских переводах романа «Возлюби ближнего своего». В соответствии с целью ставятся и реализуются следующие задачи: 1) проведение стилистического анализа

оригинального текста, 2) проведение сравнительного анализа используемых переводческих приемов в переводах Е. Никаева и И. Шрайбера.

Материалы и методы исследования.

В качестве объекта для проведения переводческого и стилистического анализа выбран роман Э.М. Ремарка «Liebe Deinen Nächsten» / «Возлюби ближнего своего» и его переводы на русский язык, выполненные Е. Никаевым в 1992 и И. Шрайбером в 1998 годах.

В исследовании использованы: лингвистическое описание, метод систематизации и классификации материала, метод контекстуального и структурно-семантического анализа, статистический метод, а также метод сплошной выборки и моделирования.

Обсуждение.

Переводческий и стилистический анализ языка романа Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего», осуществленных И. Шрайбером и Е. Никаевым, свидетельствует о том, что каждый из них обладает своими сильными и слабыми сторонами. Переводы текстов на русский язык создавались в различные периоды времени: перевод Е. Никаева отличается тенденцией к дроблению

сложных предложений и более быстрому переосмыслению, и упрощенному представлению многих событий и явлений.

На начальном этапе исследования проводилась диагностика «скрытых» лакун оригинала, а также переводов отдельных отрывков текста, в которых имеют место смысловые расхождения с соответствующими отрывками оригинала. Для идентичного восприятия текстов художественной прозы Э.М. Ремарка и повествуемых в них фактов и событий, от русского читателя требуется владение определенными знаниями в области истории, культуры и лингвострановедения Германии.

Результаты исследования.

В настоящее время вопросы, касающиеся изучения культуры различных этнических групп, являются особо актуальными. Поскольку это способствует смешению культур, что в свою очередь порождает взаимопроникновение языков [2]. Из этого следует, что культурный аспект является одним из важных вопросов в переводе. Межкультурный диалог включает в себя различные слои культурных и языковых сообществ и, следовательно, невозможен без перевода.

Известный израильский переводчик Г. Тури в своей работе «A rational for descriptive translation studies» отмечал, что перевод представляет собой вид деятельности, который включает в себя, по крайней мере, два языка и две культурные традиции [3]. Разумеется, между языками существуют не только языковой разрыв, но и культурный. Переводчики постоянно сталкиваются с проблемой того, как трактовать культурные аспекты, присутствующие в исходном тексте и как найти наиболее подходящую технику успешной передачи этих аспектов на языке перевода.

Подробный анализ коснулся первой главы романа, в которой нами отмечено значительное количество переводческих приемов,

используемых в текстах всего произведения. В изображении окружающей действительности писатель имплицитно представляет не только свое видение мира, но и личное к нему отношение, сочетая параллельно правду с вымыслом и реализуя их затем в текстах. Начало романа открывает необычное предложение *Kern fuhr mit einem Ruck aus schwarzem, brodelndem Schlaf empor und lauschte* [4: 7], трансформированное на русский язык как «*Керн резко привстал на постели, вырываясь из черного, сумбурного сна, и прислушался*» [5: 5]. Его специфика состоит в том, что сложный глагол *emporfahren* / «подниматься, вставать, вспугнуть», используемый в оригинале, не имеет в русском языке подобного соответствия и вызывает при переводе некоторое затруднение, в связи с чем И. Шрайбер пытается реализовать его значение с помощью лексем *привстать*, которая, как нам представляется, не вполне сочетается с наречием *резко*, используемым в качестве определения, поскольку *привстать* подразумевает «приподняться, встать не во весь рост». Встать резко, но при этом не полностью, особенно при пробуждении ото сна, едва ли возможно. Поэтому, как нам представляется, вместо *резко привстал*, более логично было бы присутствие словосочетания *резко поднялся*.

И. Никаев решает эту проблему несколько иначе: грамматическим приемом членения предложения: «Тяжелый кошмарный сон мигом пропал. Керн прислушался» [6: 5]. Более того, Е. Никаев стремится передать сперва саму атмосферу сна, а потом переходит непосредственно к персонажу. У И. Шрайбера мы отмечаем использование сложносочиненного предложения, в котором основное внимание уделяется непосредственно самому герою романа. На наш взгляд, короткие предложения, имеющие место в переводе Е. Никаева, формируют атмосферу напряженности, некой

приближающейся опасности, грозящей Керну. Перевод же И. Шрайбера, скорее, создает атмосферу тягостного, тяжелого сна.

Начиная постепенно знакомить читателя с героем своего романа, Э.М. Ремарк использует и такое предложение как *Er war, wie alle Gehetzten, sofort ganz wach, gespannt und bereit zur Flucht* [4: 7] / «Как все гонимые и затравленные, он мгновенно очнулся, напряженный и готовый к бегству» [5: 8]. Лингвистический анализ его оригинала позволяет отметить, что подлежащее *er* с глаголом-связкой *sein* в форме простого прошедшего времени (Präterit) занимают начальную позицию. И. Шрайбер, с учетом стилистических особенностей русского языка, на первое место выносит распространенное сравнение *как все гонимые и затравленные*, придавая, таким образом, всему высказыванию литературно-художественный оттенок. Отметим и то, что в первой части оригинала субстантивированное причастие *Gehetzten* переводчик реализует двумя субстантивированными причастиями: *гонимые* и *затравленные*. Объяснением такого решения может служить, по видимому, стремление И. Шрайбера наглядно представить не только статус человека (гонимый), но и передать его эмоциональное состояние (затравленный).

Несколько по-иному трансформирует данное предложение Е. Никаев: «Как и все, кого преследуют, он насторожился, приготовился бежать» [6: 5]. Он изменяет грамматическую конструкцию предложения и использует не субстантивированное причастие, а определение. Тем самым он нагромождает синтаксическое построение излишней многословностью. Однако его вариант, по сравнению с предыдущим, имеет и некоторое преимущество, поскольку отталкивается исключительно от лексического состава оригинального текста и исключает внесение в авторский текст каких-либо искажений.

Неоднозначное мнение вызывает и следующий перевод: *Während der unbeweglich, den schmalen Körper schräg vorgeneigt, im Bette saß, überlegte er, wie er entkommen könnte, wenn der Ausgang schon besetzt wär* [4: 7], понимаемый И. Шрайбером как «Наклонив вперед худощавое тело, он сидел неподвижно, прикидывая, как бы улизнуть, если на лестнице уже появились полицейские» [5: 5]. Первую часть (*er unbeweglich, den schmalen Körper schräg vorgeneigt*) он реализует с помощью деепричастного оборота (*наклонив вперед худощавое тело*), опустив предлог в сочетании со словом (*im Bette*). Скорее всего, такая реализация связана со стилистико-семантической причиной, поскольку в предыдущем предложении местопребывание героя (в постели) уже указано. Следовательно, во избежание перегрузки текста ненужными подробностями переводчик и использует прием опущения.

У Е. Никаева мы отмечаем несколько иную трактовку этой мысли: «Неподвижно сидя на кровати и подавшись вперед, он раздумывал, как удрать, если дом уже оцеплен» [6: 5]. В данном случае мы также отмечаем опущение словосочетания (*den schmalen Körper*), что, по нашему мнению, негативно сказывается на реализации образа главного героя и читатель лишен возможности узнать его полную характеристику. К тому же, автор, характеризуя его худое тело, стремится акцентировать внимание читателя на жизненных трудностях, в которых пребывает герой. Уводя внимание читателя от его внешности, Е. Никаев уделяет тем самым и меньше внимания историческим событиям, имеющим место в романе.

Интерес представляет и предложение *Das Zimmer lag im vierten Stock* [4: 7] в связи с тем, что у И. Шрайбера оно переведено как «Он жил на пятом этаже» [5: 5]. Мы полагаем, что в данном случае речь идет о таком переводческом приеме как целостное переосмысление.

Использование данного приема объясняется тем, что внимание читателя концентрируется, прежде всего, на главном герое, в то время как текст оригинала описывает помещение.

Необходимо также отметить, что И. Шрайбер учитывает лингвокультурологические особенности произведения. Так, в переводе мы видим, что комната находится на пятом этаже, в то время как в оригинальном тексте указанный этаж – четвертый. Это связано с тем, что первый этаж в Германии называют – *Erdgeschoss*, а второй этаж, с точки зрения логики немецкого языка, будет первым.

Е. Никаев переводит предложение следующим образом: «Комната – на четвертом этаже» [6: 5]. Как мы видим, данный переводчик изменяет синтаксическую структуру предложения, опуская сказуемое, что делает предложение более коротким в сравнении с оригинальным вариантом, а также придает ему отрывистость, которая является одной из стилистических характеристик перевода Е. Никаева.

Своеобразием переводческих трансформаций характеризуется и следующее предложение: *Es hatte ein Fenster nach der Hofseite, aber keinen Balkon und kein Gesims, von denen aus die Dachrinne zu erreichen gewesen wäre* [4: 7] / «Окно комнаты выходило во двор, но не было ни балкона, ни карниза, чтобы добраться до водосточной трубы» [5: 5]. В данном случае имеет место замена местоимения *es*, относящегося, к слову, *das Zimmer* в оригинале, на существительное *окно* в русском варианте, обусловленное отсутствием в русском варианте в предыдущем предложении слова *комната*.

В переводе Е. Никаева «В ней одно окно, выходит во двор, но ни балкона, ни карниза, откуда можно было бы дотянуться до водосточной трубы» [6: 5] синтаксическая структура предложения в большей степени соответствует оригиналу, а вот лингвокультурологическая

составляющая выражается в названии этажа – четвертый в тексте оригинала, а в переводе, не учтена.

Обращает на себя внимание и перевод высказывания офицера полиции относительно задержанных им героев: *Zwei Vögel, die übers Dach verduften wollten* [4: 10] / «Да вот – две птички. Хотели выпорхнуть на крышу и дать деру» [5: 8]. Здесь И. Шрайбер использует прием лексического добавления с помощью выражения *да вот*, присутствие которого придает тексту не только черты живой разговорной речи, но и особую образность, реализуемую за счет присутствия словосочетания *хотели выпорхнуть*. Перенос умения птиц летать на человека образует троп (метонимию), которая отсутствует в оригинале. Анализ русского варианта позволяет отметить в нем и наличие членения как одного из грамматических приемов перевода. В данном случае высказывание не только «вмещается автором в ограниченное во времени, но сложное по напряжению действие» [7:169], но и обеспечивает краткость переведенных предложений за счет того, что помогает избежать использования сложноподчиненного предложения с союзом *который*, как это представлено в оригинальном тексте. Для русского языка сложноподчиненные предложения с подчинительным союзом *который* хоть и являются достаточно характерными, все же осложняют восприятие текста, придавая ему излишнюю многословность. Членение предложений в данном случае является оправданным, так как привносит в текст перевода динамичность и краткость повествования.

У Е. Никаева мы также отмечаем наличие сокращения и присутствие образности: «Два птенчика. Собирались улететь через крышу» [6: 8].

Рассматривая особенности перевода предложения *Er hat keinen Pass und hat uns bedroht, erklärte der Polizist mit dem Revolver* [7: 10] / «Сам без паспорта, а чуть было не

набросился на нас, – сказал полицейский с револьвером» [5: 8], мы отмечаем присутствие описательного перевода. Вместо глагола *bedrohen* / «угрожать», употребленного в тексте оригинала, переводчик использует словосочетание *чуть было не набросился*. Суть такой трансформации объясняется необходимостью адекватной передачи напряженности момента и решительности в действиях героя. Более того, в русском языке слову *угрожать* присуще большее количество оттенков, например, подобно рода действие осуществимо вербально, в то время как в тексте речь идет, скорее всего, о физической расправе.

Е. Никаев трансформирует данное синтаксическое построение как «У него нет паспорта, и он угрожал нам, – объяснил полицейский с револьвером» [6: 8], не прибегая к лексическим преобразованиям, но сохраняя достаточно простую структуру предложения, которая полностью отвечает семантической и экспрессивной наполненности оригинала.

При переводе предложения *Die Stahlreifen hinderten ihn beim Gehen nicht sehr. Aber ihm schien, als fesselten sie mehr als nur seine Hände* [4: 10] И. Шрайбер использует грамматический прием объединения предложений: «Стальные кольца не мешали ходить, но казалось, они сковывают не только руки, но и что-то более важное» [5: 8]. Сущность приема объединения предложений в данном случае заключается в том, что они более характерны для русского языка. Длинные предложения, соединенные подчинительными и сочинительными союзами, создают ощущение длительности мысли, а суждения могут плавно перетекать из одного в другое. Именно поэтому, по нашему мнению, чтобы подчеркнуть мысли главного героя, сделать акцент на его видении ситуации, переводчик и использует грамматический прием объединения предложений.

Е. Никаев понимает предложение следующим образом: «Стальные обручи не мешали ходьбе, но ему казалось, что у него закованы не только руки» [6: 8]. Мы видим, что в данном случае также сохранен дополнительный смысл, заложенный автором произведения.

В переводах романа нами отмечены и случаи использования приема объединения. Например: *Ungefähr dreißig Verhaftete wurden auf die Wagen gebracht. Es waren offene Polizeiflitzer* [4: 10]. / «К машинам – открытым полицейским фургонам – подвели около тридцати арестованных» [5: 10]. В русском переводе И. Шрайбер во втором предложении для компрессии текста преобразует грамматико-синтаксическую функцию оригинала в распространенное определение-уточнение.

В переводе Е. Никаева предложение подвергается переосмыслению: «У полицейских фургонов собралось около тридцати арестованных. Большинство из них сели в машины, не проронив ни слова» [6: 10]. Но как нам представляется, такого рода переосмысление нарушает модальность оригинала, подчеркивая, что (*Ungefähr dreißig Verhaftete wurden auf die Wagen gebracht*) они не сами сажались в машины, а были посажены полицейскими, что указывает на насильственность совершаемого действия, что лишает предложение модальности, определяющей настроение персонажей произведения.

Лингвистический анализ переводов позволил нам выявить в текстах и приемы калькирования, например при переводе выражения *schwarz schlafen: Es hatte sich bald herumgesprochen, daß man dort schwarzschlafen konnte, ohne bei der Polizei gemeldet zu werden* [4: 10] / «Вскоре пошла слухи, что у нее можно ночевать «по-черному», не регистрируясь в полиции» [6: 12]. Использование данного приема объясняется тем, что в переводе сохраняется стилистика оригинального текста за счет использования лексической единицы,

обладающей той же цветовой принадлежностью и в языке перевода.

В переводе Е. Никаева данная лексема опущена: «И уже вскоре разнесся слух, что там можно переспать, не извещая об этом полицию» [5: 12], что лишает текст аутентичности и эмоциональности, так как компонент *по-черному* всегда предполагает высокую степень незаконности совершаемых действий.

Предложение *Protestieren können Sie, soviel Sie wollen* переведено И. Шрайбером на русский язык как «Можно протестовать сколько угодно» [6: 13]. По нашему мнению, изменение лица в данном случае является не совсем удачным, так как при переводе было утеряно обращение полицейского к протестующей женщине, что привело к снижению общей экспрессивности текста. Мы полагаем, что переводчику следовало представить данное предложение в виде практически дословного перевода на русский язык: «Протестовать вы можете, сколько хотите». Это сделало бы представленное предложение более выразительным.

Вместе с тем, мы понимаем, что переводчик, используя безличное предложение, вероятнее всего, намеревался показать, что бессмысленным является протест против всей жестокой системы, а не только в описанной ситуации. В таком случае именно безличное предложение является наиболее оправданным вариантом.

У Е. Никаева предложение представлено следующим образом: «Протестуйте, сколько хотите» [6: 13]. Этот вариант нам представляется

более удачным, поскольку в нем представлено пренебрежительное отношение офицера полиции к женщине.

Заключение.

Проведенный переводческий и стилистический анализ оригинала романа позволил нам проследить изменение стилистики предложения, его семантическую окраску, зависимость от использованных приемов перевода. Отметим при этом, что в переводе на русский язык использовано смягчение лексического представления некоторых понятий. Установлено, что наиболее часто переводчик прибегает к приемам опущения, целостного переосмысления, членения или объединения предложений, а также лексического добавления. Все представленные приемы многократно используются в романе и способствуют наиболее полному отображению стилистического аспекта.

Выделены и некоторые единицы текста, перевод которых, на наш взгляд, требует изменений, и предложены другие варианты трансформации, которые, как нам представляется, смогли бы в полной мере передать стилистическую окраску текста.

Отметим, что не все представленные варианты мы считаем удачными, так как в некоторых переводах снижается или вообще теряется выразительность и экспрессивность, заложенные в оригинальном тексте. Тем не менее, основная смысловая составляющая при переводе была передана относительно полно, что еще раз подтверждает его адекватность.

Примечания:

1. Парешнева В.О. Метафоры через призму перевода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2022. Вып. 3 (302). С. 53-58.

2. Читао Л.Р. Употребление англоязычных заимствований в современном адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2022. Вып. 3 (302). С. 82-87.

3. Toury G. A rational for descriptive translation studies / Center for Latin American and Caribbean Studies, University of Michigan // Ann Arbor. Vol. 7, No. 19/21: The art and science of translation. URL: <https://www.jstor.org/stable/41491224?seq=1>

4. Remarque E.M. *Liebe Deinen Nächsten*. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1998. 340 S.
5. Ремарк Э.М. *Возлюби ближнего своего* / пер. с нем. И. Шрайбера. Москва: Политиздат, 1998. 333 с.
6. Ремарк Э.М. *Возлюби ближнего своего* / пер. с нем. Е. Никаева. Москва: Политиздат, 1992. 330 с.
7. Панеш У.М., Сетова Т.С. О типологических особенностях формирования прозы 60–80-х гг. XX века на военную тему (на материале адыгейской литературы) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение*. Майкоп, 2018. Вып. 2 (217). С. 166-171.

References

1. Pareshneva V.O. Metaphors through the prism of translation // *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*. Maikop: Publishing House of ASU. Iss. 3 (302). 2022. P. 53-58.
2. Chitao L.R. The use of English-language borrowings in the modern Adyghe language // *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts*. Maikop: Publishing House of ASU. Iss. 3 (302). 2022. P. 82-87.
3. Toury G. A rationale for descriptive translation studies / G. Toury. Center for Latin American and Caribbean Studies, University of Michigan, Ann Arbor // *Vol. 7, No. 19/21. The art and science of translation*. URL: <https://www.jstor.org/stable/41491224?seq=1>
4. Remarque E.M. *Liebe Deinen Nächsten*. Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln, 1998. 340 S.
5. Remark E.M. *Love your neighbor*. M.: Politizdat, 1998. Transl. from German by I. Schreiber. 333 pp.
6. Remark E.M. *Love your neighbor*. M.: Politizdat, 1992. Transl. from German by E. Nikaev. 330 pp.
7. Panesh U.M., Setova T.S. On typological features of formation of the prose of the 60-80ies of the 20th century on the military theme (based on the material of the Adyghe literature) // *Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts*. Maikop: Publishing House of ASU. Iss. 2 (217). 2018. P. 166-171.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.*

*Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.
The paper was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.*

© Ю. П. Нечай, Т. Г. Зубова, 2022